

«На мою долю выпал счастливый лотерейный билет»: отрывки из воспоминаний Е. С. Коц

Работа архивистов и библиотекарей нечасто находит отражение на страницах книг и журналов. Тем интереснее будет познакомиться с воспоминаниями сотрудника сектора Дом Плеханова Отдела рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ныне Российской национальной библиотеки, Елены Семеновны Коц, посвятившей этой работе тридцать лет жизни.

Е. С. Коц родилась в 1880 г. в Дагестане, где военным врачом служил ее отец. С 1898 г., окончив Ольгинскую гимназию во Владикавказе, училась на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования проф. П. Ф. Лесгафта в Петербурге. Но закончить их не смогла, так как в январе 1901 г. за участие в студенческом организационном собрании по подготовке демонстрации была выслана из Петербурга без права въезда в крупные города России. Она уезжает в Париж, где изучает французский язык и слушает лекции по истории и другим гуманитарным наукам в Сорбонне и Русской высшей школе общественных наук. После возвращения в Петербург, в 1907–1911 гг. училась в Вольном университете на высших историко-литературных и юридических курсах. В 1913 г. экстерном сдала экзамены за курс юридического факультета Петербургского университета и получила диплом I степени. В течение ряда лет Е. С. Коц занимается литературной и переводческой деятельностью, служит в различных юридических учреждениях. Ее статьи, разъясняющие крестьянам вопросы законодательства, в виде брошюр издаются журналом «Земледелец». В годы Первой мировой войны Коц работает секретарем Юридического отдела Областного комитета Союза городов, является одним из составителей популярного среди военнослужащих «Справочника о пенсиях и льготах военнослужащим и их семьям».

После революции Е. С. Коц продолжала юридическую службу в ряде советских учреждений. В 1922–1923 гг. участвует в работе Комиссии по исследованию истории труда в России, сотрудничает в журналах «Архив истории труда в России» и «Русское прошлое». По результатам исследования материалов Министерства внутренних дел ею написаны ряд статей и книга «Крестьянские движения в России», вышедшая в серии «Историческая библиотека».

С января 1929 г. Е. С. Коц начала свою деятельность в Доме Плеханова (V филиал ГПБ), сначала в должности внештатного консультанта, а затем главного библиотекаря. С 1939 г. в связи с отъездом Р. М. Плехановой во Францию она фактически руководила работой сектора. Коц стояла у истоков формирования Дома Плеханова как научно-исследовательского учреждения. Под ее руководством были разработаны принципы описания рукописей плехановского архива, создан научно-справочный аппарат к нему; проделана сложная работа по разбору разрозненных листов архива, в результате которой был восстановлен ряд неизвестных произведений Г. В. Плеханова, первоначальных редакций и вариантов уже опубликованных статей. Ей принад-

лежала ведущая роль в подготовке к печати сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова»: составление плана сборников, подбор материала, написание комментариев, предисловий, археографических и исторических справок, расшифровка и подготовка рукописей к печати, правка корректуры. Под руководством Е. С. Коц велась работа по созданию уникального указателя «Библиография произведений и писем Г. В. Плеханова». Как опытный архивист и знаток плехановского рукописного наследия, она была привлечена к подготовке к печати «Избранных философских произведений Г. В. Плеханова», издававшихся Институтом философии АН СССР в 1956–1958 гг.

В годы блокады Ленинграда Елена Семеновна работала в группе по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне», где вела систематическую картотеку газетных и журнальных статей. Ее труд оценен государственными наградами – медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945».

Воспоминания Е. С. Коц охватывают период с конца 1880-х до 1958 г. – года ее выхода на пенсию – и интересны тем, что прекрасно передают дух времени, наполнены яркими и острыми наблюдениями автора, деталями быта. Переданные в Дом Плеханова дочерью Елены Семеновны, Валентиной Александровны Коц, в марте 1997 г., мемуары представляют собой авторизованную машинопись в 280 листов. Публикуемый с некоторыми сокращениями текст является частью этих воспоминаний и отражает работу Е. С. Коц в доме Плеханова.

Публикацию подготовила И. В. Смирнова.

Е. С. Коц

В конце 1924 года кто-то сказал мне, что из Парижа приехала вдова Плеханова Розалия Марковна, что она привезла с собой его архив и что вскоре начнет функционировать научное учреждение, в котором будут обрабатываться материалы этого архива. Меня очень заинтересовало это сообщение. Вот, подумала я, была бы подходящая для меня работа. Но как туда попасть? Надо, чтобы кто-нибудь авторитетный дал мне рекомендацию. Я посоветовалась с директором Музея революции Капланом, и он обещал мне переговорить с Дейчем, который в это время был в Ленинграде. Надо сказать, что хотя я с Дейчем не была знакома, но он кое-что знал обо мне от своей жены Эсфири Марковны Познер. Я уже упоминала выше, что Познеры были наши дальние родственники и что с этой семьей были тесно связаны мои юные годы. Так или иначе, но Лев Григорьевич, повидавшись со мной, посоветовал Розалии Марковне привлечь меня к работе над плехановским архивом.

В это время единственным сотрудником Дома Плеханова был Д. С. Махлин¹, очень квалифицированный работник, блестящий знаток истории партии, знавший буквально наизусть биографии всех социал-демократов.

Сам он был бундовцем, за что и поплатился жестоко искалеченной жизнью на протяжении ряда лет. В ссылке он и умер. Давид Соломонович был чистой души человек, добродушный, общительный, щедрый, готовый со всеми поделиться своими обширными знаниями. На первых порах, когда я еще никакого понятия не имела об архивной работе, он очень помог мне, можно сказать, ввел в эту неведомую область. Хотя нам и недолго пришлось поработать вместе, так как его арестовали через несколько месяцев после открытия Дома, он успел научить меня главному – методам работы над архивными материалами. Его дружеская помощь была мне тем более необходима, что Розалия Марковна встретила меня очень холодно и недоверчиво. Недоверие к людям было одной из характерных ее черт. Нужно было очень много, чтобы разбить это недоверие. Вообще, она была сдержанна и суховата. Я тоже в начале знакомства держу себя замкнуто. Поэтому не сразу наши отношения наладились.

Первое время Дом не имел своего помещения, и нам для работы были предоставлены две комнаты в историческом здании Вольно-экономического общества на 4-й Красноармейской (бывшей 49-й роте). Лишь [через] год-полтора рядом был построен флигель, по проекту Эсфири Марковны Дейч, в котором находились официальные комнаты Дома и квартира Розалии Марковны. На стыке этих двух частей здания помещался «кабинет Плеханова», носивший отчасти музейный характер.

В узкой комнате, где я сидела одна первые три месяца, стоял очень длинный стол, на котором я раскладывала листы плехановских рукописей. Скоро я освоила технику подбора, исходя не только из содержания страницы, но и из ряда чисто внешних признаков – цвет, размер, разлиновка бумаги, цвет чернил, почерк, менявшийся с годами, но, к счастью, всегда довольно разборчивый, наконец, нумерация страниц, подчас впрочем, очень сложная, состоявшая из нескольких цифр.

В результате кропотливой и головоломной работы хаос был ликвидирован, и появилось большое количество отрывков и вариантов известных работ, а также, что было особенно интересно и важно, несколько новых, совершенно неизвестных статей. Исследовательская работа, произведенная над ними, позволила установить, что это были за статьи, когда и по какому поводу, для какого издания они были написаны, почему в свое время не были опубликованы. Вот когда я покорила сердце Розалии Марковны. Ведь для нее каждая строчка, написанная Георгием Валентиновичем, имела цену, а тут целые новые статьи. С этих пор она уверовала в меня, и с годами ее отношение ко мне становилось все лучше и сердечней.

Проделав эту работу, я, естественно, стала думать о публикации архивных материалов. Но тут я столкнулась с очень странной позицией Махлина. Этот донельзя скромный и нечестолубивый человек говорил, что не наше это дело, «кто-нибудь должен и кирпичи класть». К счастью, Розалия Марковна не разделяла этого мнения.

Штат Дома между тем разрастался. Вскоре появились еще два архивных работника – Татьяна Зиновьевна Лукашевская и Адель Семеновна Воли-

на². Татьяна Зиновьевна и в то время и в дальнейшем, на протяжении десятков лет, что я ее знаю, и до сегодняшнего дня остается для меня образцом настоящего человека, человека большой души. Отзывчивая, чуткая, сердечная, бескорыстная, она в то же время обладала природным умом и чудесным даром юмора. К работе она относилась не только добросовестно, но как к чему-то самому важному в жизни. Между прочим, из нас троих она единственная имела специальное библиотечное образование, полученное на двухгодичных курсах при Публичной библиотеке. Адель Семеновна обладала другими достоинствами. Это был человек большой культуры. Литература, живопись, музыка – все входило в сферу ее интересов. Она отлично знала три языка и была известна как хорошая переводчица, выступавшая под фамилией Полоцкая. Ей обязаны русские читатели знакомством с произведениями Генриха Манна и других видных иностранных писателей. До сих пор много раз переиздается в ее переводе роман Манна «Верноподданный». В общем, мы трое, основное ядро Дома, очень удачно дополняли друг друга.

Некоторое время работала в Доме группа по описанию плехановской библиотеки. Под руководством опытной сотрудницы Публичной библиотеки работали две очень милые и толковые девочки – Анечка Белинская и Фрида Вейзагер³. Они создали каталоги и инвентарни, в которых были перечислены страницы с заметками Плеханова на полях книг.

Лукашевская и Волина занимались разбором эпистолярного наследия Плеханова. Помощь им оказывал Махлин. Переписка плехановского архива заключала в себе как письма самого Плеханова, так и письма его многочисленных корреспондентов, в числе которых было много иностранцев. Работа была нелегкая. Надо было установить, кем написано письмо, а часто и кому оно адресовано, так как не все письма были написаны Плеханову. Здесь Махлин был незаменимым советчиком. Затем надо было установить даты для писем, которые их не имели. Попутно и позднее Адель Семеновна переводила многие иностранные письма. Все это была пока только первоначальная, грубая, но крайне необходимая работа.

При дальнейшей, более детальной обработке, конечно, приходилось вносить немало поправок в эти первоначальные установки.

На протяжении почти двух десятков лет нами создавался научный аппарат Дома, который должен был помочь читателю ориентировать его в материалах плехановского архива. Описание рукописей, множество карточек к переписке, раскрывающих ее содержание с разных точек зрения, картотеки к плехановским тетрадям и записным книжкам и многие другие картотеки – таков был состав этого научного аппарата.

Наконец, большой работой, материал для которой накапливался непрерывно на протяжении ряда лет, была полная академическая библиография произведений и писем Плеханова, со всеми изданиями и переизданиями на русском и иностранных языках. Этот аппарат очень помогал нам самим при подготовке к печати плехановских материалов и давал возможность обслуживать читателей Дома, не очень многочисленных, но в большинстве высококвалифицированных.

И в настоящее время, когда в Доме работают новые сотрудники, они используют при обслуживании читателей тот же научный аппарат⁴.

Как известно, отношение к Плеханову в тридцатых годах было резко критическим. Забывая о его заслугах, все кому не лень только и говорили, что об его ошибках. И это было настолько модно и обязательно, что многие, не разделявшие такого подхода, опасаясь прослыть неправовверными и накликать на себя обвинение в меньшевизме, не имели гражданского мужества восстановить истину, открыто выступить в защиту Плеханова⁵. Розалия Марковна тяжело переживала эту кампанию. Для нее Георгий Валентинович был непререкаемым авторитетом, она верила каждому его слову, и ее возмущало, что какие-то «молокососы» смеют обвинять его, и в чем? В неправильном понимании диалектики. Между тем, несмотря на такое критическое отношение, из Москвы приехали ответственные товарищи для переговоров об издании литературного наследия Плеханова. Договор с Соцэргизом был заключен. Первоначально в редакцию сборников входили Кретов, Розалия Марковна и Луначарский, который, однако, умер еще до выхода первого сборника. Со второго сборника состав редакции изменился, и большинство сборников вышло под редакцией Юдина, Иовчука и Плехановой. Согласно договоренности, комментарий к плехановским работам должен был носить не критический, а объективный характер. Договорились также и о том, что в сборниках не будут помещаться критические редакционные статьи в виде предисловий. Это обещание, однако, не всегда выполнялось редакцией, и в последних сборниках оно было нарушено.

Положение Дома в Публичной библиотеке было довольно странное. С одной стороны, Дом Плеханова был филиалом Библиотеки, с другой, он представлял собой как бы обособленное, почти независимое от Библиотеки учреждение. К тому же дирекция Библиотеки просто боялась его, не хотела брать на себя ответственность за такой идеологически опасный участок работы.

Первым директором Библиотеки после открытия Дома был Добраницкий⁶. Он чурался Дома, удирал от него, как черт от ладана. Он жил тут же рядом, в квартире, которую до постройки флигеля занимала в здании Вольно-экономического общества Розалия Марковна. Кстати сказать, он не очень-то по-рыцарски выжил Розалию Марковну из этой квартиры и занял ее, когда помещение для Дома было только что построено и еще не обсохло. В нем было так сыро и холодно, что Розалия Марковна ходила закутанная с головы до ног, как на Северном полюсе. К нам, в рабочие комнаты, он никогда не заглядывал и только изредка приходил навестить Розалию Марковну и выпить у нее чашку чая.

Немногим больше интереса к работе Дома проявляли и другие директора, а когда начали выходить сборники «Литературное наследие Г. В. Плеханова»⁷, они совсем успокоились в надежде на московскую редакцию, достаточно авторитетную, чтобы нести ответственность за издания, выходящие под фирмой Библиотеки.

Надо сказать, это отсутствие интереса к нашей работе было нам на руку. Лишенные всякой помощи, неопытные в этом деле, мы выкручивались самостоятельно и накапливали понемногу свой собственный опыт. Во всяком случае, нам никто не мешал, и мы сами были себе хозяева. Временами мы по своей инициативе приглашали на консультацию специалистов Библиотеки, которые охотно делились с нами своим опытом и знаниями. К нашим работам они относились с уважением и, внося небольшие поправки, в общем одобряли их.

По нашей просьбе в Библиотеке было устроено собрание самых квалифицированных библиографов, на котором я сделала доклад о наших методах составления библиографии Плеханова. Несмотря на некоторое своеобразие этих методов, на внесение ряда новшеств, которые мы считали целесообразными и вытекающими из особенностей именно данной библиографии, мы получили полное одобрение, причем подчеркнуты были как раз оригинальность и своеобразие наших методов.

Работа по подготовке к печати сборников нас очень увлекла. Мы совершенно не считались со временем. Коллектив был очень дружный, хорошо сработавшийся. Весь процесс работы протекал организованно, и с начала до конца сборник проходил через одни руки. Это обеспечивало ему цельность и единообразие. Только первый сборник включал материалы, которые хотела в первую очередь видеть в печати Розалия Марковна. Но после его издания я убедила ее, что сборники должны быть тематические, строго выдержанные.

Начиная с подбора материала – статей, отрывков, вариантов, подготовительных работ лабораторного характера, заметок на полях книг, писем, относящихся к теме сборника, и вплоть до последней корректуры, сборник проходил через мои руки. Я же вела переписку с издательством и единственным фактическим редактором Иовчуком. Так как набор был очень сложный, приходилось входить во все мелочи и подсказывать техреду шрифты заголовков и другие как будто не очень существенные, но важные, с моей точки зрения, вещи. Издательство не только считалось с этими замечаниями, но беспрекословно их выполняло.

Подготовленные рукописи передавались на редакцию Розалии Марковне. Она почти не вносила в них поправок, лишь изредка дополняя наши примечания какими-либо ей одной известными фактами, относящимися к Плеханову или другим знакомым ей лицам. Затем рукопись отсылалась в Москву. После просмотра ее московскими членами редакции я ездила обычно в Москву для согласования их поправок и замечаний с возражениями Розалии Марковны. Миссия была не из легких. Ее ранило каждое слово даже самой справедливой критики. Положение мое было особенно трудным именно потому, что я чаще была согласна не с ней, а с редакцией. Но ехала я в Москву ведь как ее представительница. И убеждать должна была в том, в чем сама не всегда была убеждена. Во всяком случае, снятия особенно резких характеристик, вроде «социал-шовинист», я добивалась. Но надо сказать, что в основном редакция считалась с оговоренной в договоре объективностью комментария, и выпады против Плеханова были сравнительно редки.

Поездки в Москву были для меня, несмотря на все эти трудности, настоящим праздником. В Москве жили самые близкие мне родственники и друзья [...]. Командировка продолжалась обычно дней десять. Все утро я работала в издательстве, недалеко от Красных ворот, куда подъезжала на метро. Уже само по себе путешествие по метро доставляло мне наслаждение. Тогда это было внове, и я не уставала любоваться станциями. За границей мне не раз приходилось пользоваться метро – в Париже, Берлине и Лондоне. Все это не шло ни в какое сравнение с нашим – грязные туннели там и подземные дворцы у нас. И вообще, какое-то особенное настроение вызывает хождение по незнакомым улицам незнакомого города. А вечером приятно вернуться в обстановку домашнего тепла и уюта, к близким людям, с которыми давно не виделся и с которыми есть о чем поговорить и чем поделиться.

В издательстве сперва не было человека, специально занятого нашими сборниками. Это создавало неудобства и беспорядок. В один из приездов я подняла этот вопрос. Тогда-то и началась наша работа с Иовчуком⁸. В это время это был еще очень молодой худощавый юноша – не в пример теперешнему маститому и массивному профессору, члену-корреспонденту Академии наук. Работа по Плеханову, вероятно, и положила начало его карьере ученого. Редактор он был отличный и вообще человек, хоть и не очень привлекательный, но исключительно способный и быстрый. В свои кратковременные приезды в Ленинград он успевал за один вечер в гостинице просмотреть и снабдить толковыми замечаниями такую массу материалов, которая с трудом влезала в его объемистый портфель. Но, отдавая ему должное, я за годы совместной работы не почувствовала в нем настоящего товарища, не создавалось у нас с ним ни делового, ни личного контакта.

Теперь остановлюсь на одной любопытной и характерной для того времени истории с нашим четвертым сборником. Он был посвящен теме борьбы с народничеством. Материал был исключительно интересный и новый – в него вошли неизвестные, возрожденные из разрозненных листов статьи. Вся история борьбы Плеханова с либеральными народниками, благодаря этим вновь обнаруженным материалам, приобрела несколько отличное от традиционного освещение. Одним из моментов этого нового подхода к крайне важному этапу плехановской деятельности было отнесение начала ее не к 1894 году, когда была написана им знаменитая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а к 1892 году. Две редакции случайно оставшейся неопубликованной статьи, как выяснилось, представляли собой вариант будущей заключительной главы этой книги. Таким образом, приходилось перенести первое, хотя и несостоявшееся выступление Плеханова против либеральных народников к 1892 году, т. е. к дате, предшествующей выступлению Ленина с его знаменитой работой «Что такое „друзья народа“». Новые данные требовали серьезного обоснования и приведения в систему. Поэтому я писала ко всему сборнику большое предисловие. Сборник был уже собран, и вдруг мы узнали, что набор рассыпан, и он не печатается. Пришлось переместить его, и раньше печатать сборник об искусстве.

Причина была нам неясна. Набрали вторично, и история повторилась. Тогда я поняла, что дело в моем предисловии, и что нельзя так напирать на 1892 год, так как выходило, что Ленин вступил в борьбу с народничеством позднее Плеханова.

Я пошла к редактору Домрачеву⁹ и предложила ему, ради спасения сборника, не печатать мое предисловие. Вместо него я обещала дать небольшие вводные справки отдельно к каждой публикации. Мое предположение оправдалось, и сборник вышел в таком виде. Конечно, это была беспредельная глупость и ханжество. Никак эта дата не умаляла Ленина и не возвеличивала Плеханова. К тому же статья в свое время не была опубликована, никто о ней не знал, в деле пропаганды марксизма она никакой роли не сыграла. Но весь этот эпизод для тридцатых годов был очень показателен.

Наши сборники выходили небольшими тиражами, так как они ориентировались не на массового читателя. Но среди избранных читателей, особенно плехановедов, они пользовались большой популярностью и одобрением. Рецензии, обязательно отмечавшие появление каждого вновь вышедшего сборника, были всегда положительные. Мелкие недочеты, конечно, были, но существенного значения это не имело. Никаких серьезных идеологических и фактических ошибок, очевидно, у нас не было. Притом фактический комментарий редакция оставляла в основном на нашей совести, и никакого проверочного аппарата, контролировавшего каждое наше утверждение, какой появился в последние годы, в издательстве тогда не было.

Попутно с подготовкой сборников мы не прекращали работы над изданием научного аппарата. Штат Дома пополнился новыми сотрудниками, не принимавшими, однако, участия в литературной работе. Время от времени дирекция Библиотеки присылала нам не то чтобы в подмогу, а скорей для контроля и собственного спокойствия какого-нибудь квалифицированного партийного работника. Но он, не будучи курсе нашей давно налаженной работы и чувствуя себя чужеродным, скоро исчезал с горизонта. Исключением был историк Малышев, который сумел включиться в наш коллектив и отлично обработал сохранившийся в Доме архив бывшего большевика, а затем оборонца Любимова¹⁰. Был еще один, не слишком грамотный, но очень рьяный контролер, который порой явно провоцировал нас в меньшевизме. Этот ярлык вообще охотно приклеивали Дому и нам, его сотрудникам, поскольку мы имели дело с Плехановым. Оснований для этого никаких не было, но с этим никто не считался. Того же мнения, по-видимому, были и органы государственной безопасности, что стало для нас очевидным значительно позднее.

Несмотря на эти беспочвенные оценки и страхи, дирекция Библиотеки ценила нашу работу. Выходившие под ее фирмой сборники были существенным вкладом в ее издательскую, не слишком обширную деятельность. Выступая с очередными отчетами перед собранием служащих, директор Вольпер¹¹ говорил примерно: «Ну, на этом участке благополучно, работают не покладая рук». И все. В подробности он не входил, да и не знал их.

Обособленное существование Дома, литературно-издательская и научно-исследовательская работа, которая в нем велась, получение сотрудниками литературного гонорара наряду с зарплатой, ставили нас как бы в привилегированное положение по сравнению с остальными сотрудниками Библиотеки. Это удачно выразил один из ответственных работников Библиотеки Басов¹² в шуточной формуле: «Дом Плеханова – это иностранная концессия на территории ГПБ».

Работать с Розалией Марковной было не очень легко. Начать с того, что она болезненно реагировала на отрыв от нее материалов архива. Я имею в виду чисто физический акт уноса рукописей для обработки из ее квартиры хотя бы только в архивную комнату, где мы работали.

Квартира ее была расположена во втором этаже, а сейфы, где хранились материалы, – в первом. Часть материалов она держала вблизи от себя, в бюро, стоявшем в «кабинете Плеханова». Это мешало нам выявить все материалы, обработать их и привести все рукописное имущество в надлежащий порядок. Тогда я решилась на революционный шаг и в один прекрасный день, без ее ведома, забрала все, что было в этом бюро, и перенесла вниз. Она была возмущена, огорчена, но ничего поделать уже не могла, только с полуулыбкой не раз напоминала мне об этом «разбойничьем налете» и в душе, вероятно, не прощала его.

Другим моментом, осложнявшим работу с ней, была преданность не только Плеханову, но и его старым друзьям, особенно основателям группы «Освобождение труда». Всякое расхождение с ними Плеханова она переживала болезненно. Известно, что первые тенденции к ликвидаторству, к подмене подпольной партии легальными организациями, Плеханов уловил еще в 1908 году, в среде редакторов зарубежного меньшевистского журнала «Голос социал-демократа». Как один из редакторов и сотрудников этого журнала он вступил в жестокую полемику с остальными членами редакции – Аксельродом, Мартовым, Даном и другими. Полемика эта велась в письмах, и за пределы личной переписки разногласия не выносились. Однако широко известен стал факт разрыва Плеханова с «голосовцами» после его официального выхода из редакции журнала. Этот акт положил начало сближению Плеханова с Лениным на почве борьбы с ликвидаторством и его сотрудничеству в большевистских периодических изданиях. Переписка Плеханова с «голосовцами» сохранилась почти полностью в его архиве, переписка очень интересная и важная для характеристики позиции Плеханова в период его сближения с Лениным.

Я предложила Розалии Марковне опубликовать ее, снабдив надлежащим предисловием и комментарием. Она категорически воспротивилась этому. Для нее этот конфликт с друзьями и единомышленниками был чем-то вроде семейной ссоры, и на публикацию переписки она смотрела как на вынесение сора из избы. Так до сих пор эта переписка остается неопубликованной, и только возможно через несколько лет она будет напечатана в одном из очередных сборников «Литературное наследие Плеханова»¹³. Не давала она для печати и писем к ней Георгия Валентиновича. Но это было более понят-

но. Ее всегда возмущало бесцеремонное подчас обращение с интимными документами, относящимися к личной жизни выдающихся деятелей. Она не раз говорила нам, что до ее смерти личная переписка с Георгием Валентиновичем публиковаться не будет. В виде исключения она разрешала иногда печатать в отрывках некоторые – очень немногие – письма, имевшие общественное значение. Однако Лев Георгиевич Дейч, старый друг, уговорил ее как-то дать письма Г. В., относящиеся к 1894 году, написанные им из Лондона, куда он выехал после изгнания сперва из Швейцарии, а потом и из Франции.

Дейч передал нам эти несколько писем, переписанных на машинке¹⁴. Это были замечательные письма. В них Плеханов раскрывался с совершенно неожиданной стороны. Всегда собранный, сдержанный, застегнутый на все пуговицы, он здесь обнаруживал необычайную душевную теплоту, громадную любовь и верность по отношению к Розалии Марковне. И это на четырнадцатом году брака! Вообще это были отношения, достойные стать темой красивого романа. Вся трудная, большая, творческая жизнь его прошла рядом с ней – другом, товарищем и даже опорой. Потому что она, как врач, вела неустанную борьбу за его жизнь – он с молодых лет болел туберкулезом, от которого и умер уже в России, – и она же в значительной степени освобождала его в трудное время от материальных забот¹⁵.

После его смерти Розалия Марковна остаток своей жизни решила посвятить увековечиванию его памяти. Отказавшись от своей специальности, расставшись с любимыми дочерьми и внуком, она окончательно переселилась в СССР. К чести ее надо сказать, что, несмотря на обидное отношение к Плеханову, на критику, непризнание, недооценку его заслуг, она приняла Октябрьскую революцию, многим восхищалась, многое одобряла и всем горячо интересовалась. Она очень много читала. Всегда ее можно было застать с очками на носу, если не за столом Плеханова, привезенном ею из-за границы, за чтением рукописи (причем страницы после ее работы надо было все перекладывать в обратном порядке), то в его же кресле за чтением газет, советских или французских («Humanité» или других, которые она выписывала), или серьезных научных журналов («Под знаменем марксизма», «Летописи марксизма» и других) или реже, какого-нибудь романа. Ей было в это время больше семидесяти лет, и была она не очень здорова. Это не мешало ей каждое утро делать гимнастику и отправляться в любую погоду на прогулку. К сожалению, в районе Красноармейских не было тогда ни одного сада или хотя бы сквера, так что ей приходилось просто ходить по улицам. Но она никогда ни на что не жаловалась. Жизненные перипетии приучили ее к выносливости, и вообще, это был человек твердого характера и сильной воли. Все удары судьбы она встречала со стиснутыми зубами. Но наряду с некоторой сухостью и сдержанностью было в ней временами особое обаяние. Может быть, это была светскость, приправленная немалой дозой демократизма. Очень хороша была она на своих «приемах» – на масленицу, на пасху, в годовщину Казанской демонстрации и первого выступления Плеханова. В эти дни, а то и просто без всякого повода, она принимала своих друзей. Среди них были очень интересные люди – Евгений Викторович Тарле, его сестра

Тарновская, большая умница, Щепкина-Куперник, готовая в любой момент сочинить к случаю изящные и остроумные стихи, скульптор Гинзбург, создатель прекрасного бюста Плеханова, установленного на его могиле на Волковом кладбище.

Обычно Розалия Марковна приглашала на эти приемы и нас троих. По своему нарядная, просто, скромно и изящно одетая, приветливая, отлично владеющая светским талантом занять гостей интересным разговором, объединить их общей темой, любящая и понимающая шутку, она пересыпала свою речь привычными ей французскими словечками. Притом все было просто, по-домашнему уютно. Думаю, что ее друзья любили бывать у нее. Помню, как сидевшая рядом со мной Щепкина-Куперник аппетитно, по-московски, уплетала масленичные блины. Хозяйка Розалия Марковна была никудышная, не в ее это было стиле. Устраивали все ее сестра и домработница.

Из нас троих самой близкой к Розалии Марковне была Татьяна Зиновьевна. По натуре более мягкая и семейственная, чем мы с Аделью Семеновной, она относилась к Розалии Марковне с нежной заботливостью дочери. У меня же и у Адели Семеновны отношения были очень хорошие, но более официальные.

Время от времени Розалия Марковна ездила в Париж повидаться с дочерью. Старшая Лидия – врач, замужем за французом, тоже врачом. Они работают в собственном санатории для нервных больных, находящемся в предместье Парижа, в бывшем имении Шатобриана. Там обычно и жила в свои приезды Розалия Марковна, наслаждаясь не только близостью горячо любимой семьи, но и чудесным живописным парком, в котором расположен санаторий.

Вторая дочь, Евгения – литературовед, специально изучившая русский язык и сделавшая много для ознакомления французских читателей с произведениями Плеханова, ряд которых вышел в ее переводе¹⁶. Муж ее журналист, сын – дипломат. Обе дочери родились, выросли, учились за границей и, хотя они говорят по-русски, но с акцентом настоящих француженок. Тем не менее все, что делается в Советском Союзе, их живо интересует. Два или три раза они приезжали в Советский Союз при жизни Розалии Марковны, один раз с внуком. В последний раз они были у нас в прошлом году¹⁷. Обе очень милые, скромные, деликатные.

После смерти матери переписку по делам Дома вела со мной Евгения Георгиевна. Все, что касается отца, их очень интересует и трогает. Поэтому их естественно огорчает, что Дом с уходом старых сотрудников стал им как бы чужим. Они помнят, как верила нам Розалия Марковна, как полагалась на нас, зная, что мы работаем с душой, с вдохновением. [...]

К архивной работе Лев Григорьевич [Дейч] относился, по-моему, с некоторым презрением, как к гробокопательству. Соответственно с этим и к публикации архивных материалов он подходил довольно легкомысленно. Так, он печатал в сборниках «Группа „Освобождения труда“» письма Веры Ивановны Засулич к Плеханову¹⁸. Надо сказать, что Вера Ивановна была

в жизни очень небрежна и неряшлива. Ее письма написаны крайне неразборчиво, и почти всегда в них отсутствуют даты. Между тем письма ее представляют большой интерес для истории нашего революционного движения, для истории партии, для личной ее характеристики и для характеристики ее взаимоотношений с Плехановым. Кроме того, стиль этих писем очень своеобразен и оригинален, характерный стиль Засулич.

Публикуя эти письма, Дейч произвел работу по их датировке, но сделал это так поверхностно, что рецензент, видный архивист Николаевский, подверг его публикацию жестокой критике в журнале «Летописи марксизма»¹⁹. Он дал там ряд цифр, означающих, с его точки зрения, правильный порядок писем, который имел примерно такой вид: 5, 1, 12, 7, 20 и т. д. (порядковые номера публикации Дейча). Это небрежное отношение проявлял Лев Григорьевич и к своему собственному архиву. Не раз он предлагал мне заняться приведением его в порядок, но я, конечно, не могла бросить Дом Плеханова и переехать в Москву. Позднее эту работу проделал уже после его смерти Централхив, где одно время находились его рукописи²⁰.

Организаторские способности Льва Григорьевича, совершенно не проявлявшиеся по отношению к такому незначительному с его точки зрения делу, как содержание в порядке своего архива, находили применение в делах более широкого масштаба. Это знали и ценили его товарищи. Завести связи, наладить транспорт литературы, из-под земли раздобыть до зарезу нужные деньги – это он умел лучше, чем кто-либо другой. Поэтому так чувствителен был его арест для молодой группы «Освобождение труда», поэтому так нужен он был и в организации «Искры» и «Зари», в которую вошел по возвращении из Сибири. В 1907 году в Лондоне состоялся пятый съезд РСДРП. Он так затянулся, что делегаты сели на мель и не могли выехать в Россию из-за полного отсутствия денег. И вот Дейч, раздобыв с невероятным трудом большую относительно сумму, убедил какого-то англичанина одолжить ее под гарантию Ленина и Плеханова. Кстати сказать, англичанин, давший деньги, много лет не мог добиться их возврата, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве Дейча переписка²¹.

Меньшевизм Дейча и других членов группы «Освобождение труда» явился причиной недооценки их заслуг в деле распространения марксизма в России. В 1933 году исполнилось пятьдесят лет со дня основания группы. Решено было устроить большую выставку материалов Дома Плеханова в громадном лекционном зале Вольно-экономического общества. В подмогу нам Библиотека командировала несколько квалифицированных сотрудников, имеющих опыт устройства и оформления выставок. Мы разворошили весь архив и дали очень много интересных рукописных материалов, характеризующих разные этапы литературной деятельности Плеханова. Были тут и первые издания его работ, книги с его заметками на полях и книги с дарственными надписями Энгельса, Лафарга, дочерей Маркса, Карла Либкнехта, Благодеева и других. Был большой иконографический материал. Естественно было дать место и другим членам группы, поскольку это был ее юбилей. Но начальство разрешило отвести для всех четырех членов группы (Аксельрода,

Засулич, Дейча и Игнатова) одну крошечную витрину. Дейч, который в это время был как раз в Ленинграде, тяжело переживал эту несправедливость, возмущаясь дирекцией Библиотеки. Но вся эта история кончилась тем, что показ выставки вообще был запрещен представителями горкома, и весь труд пропал даром. Это же были тридцатые годы, и всякое возвеличивание Плеханова и его группы казалось опасным. Примерно такая же участь постигла и другие выставки, которые мы устраивали в выставочном зале Дома. Теперь, конечно, положение изменилось, и на дверях Дома висит даже объявление о часах посещения постоянной выставки, на которой побывало немало народа. Это объясняется изменившимся отношением к творчеству и значению Плеханова, проявившимся особенно ярко в его юбилейные дни несколько лет тому назад²².

Последние встречи мои с Львом Григорьевичем произошли незадолго до войны. Уже очень старый, весь белый, худощавый, он был юношески прям и строен, много и быстро ходил. Всем интересовался, был мил и приветлив. В 1941 году они все трое эвакуировались из Москвы²³. Он не вынес этой поездки и умер вскоре после приезда на место. Розалии Марковны не было в это время в Ленинграде. В 1939 году, когда в воздухе уже явно чувствовалось приближение военной грозы, она, опасаясь быть отрезанной от своей семьи, уехала в Париж. Это был последний пароход, уходивший из ленинградского порта за границу. Только ее имя обеспечило ей место на этом пароходе. Она была там единственной пассажиркой и пользовалась со стороны капитана и команды исключительно внимательным и почтительным отношением. Мы с грустью провожали ее, не зная, но предчувствуя, что больше никогда ее не увидим. Первое время она была уверена, что вернется, но когда началась война с Советским Союзом, уверенность ее поколебалась. Все же до последней минуты она обманывала себя надеждой, что ей удастся завершить дело своей жизни. Она страстно рвалась в Ленинград, горячо интересовалась всем, что связано было с Домом, его жизнью и работой, с публикацией рукописей Георгия Валентиновича. Мы писали ей подробнейшие письма, держали ее в курсе, старались успокоить, когда у нее возникали какие-нибудь сомнения или тревоги. К сожалению, когда кончилась война, она уже так плохо себя чувствовала, что не могла думать о поездке ни морем, ни на самолете.

Наша связь с ней не прерывалась до последнего дня ее жизни, не считая перерыва в два-три года. В первые годы войны СССР с Германией и оккупации Парижа о переписке не могло быть речи. Но позднее неожиданно мы увидели как-то конверт с адресом, написанным незнакомой рукой, и французский обратный адрес, но не парижский. Вскрыв письмо, мы с радостью узнали такой знакомый и хоть не очень разборчивый и красивый, но близкий для нас почерк Розалии Марковны. С тех пор до конца войны переписка шла кружным путем, через неоккупированную зону Франции, где очутилась Евгения Георгиевна. Ее сын был в войсках, а муж в Соппротивлении. Письма из Парижа она получала с оказией и пересылала нам. Последние

письма, написанные Розалией Марковной почти накануне смерти, свидетельствовали об ее угасании.

Умерла она в возрасте около 90 лет²⁴. На фотографии, присланной нам Евгенией Георгиевной, она выглядит хоть и старой, с лицом, изборожденным морщинами, но с тем же гордым, непреклонным выражением, какое мы всегда знали. На снимке она держит в руках газету и читает. Эта фотография могла бы служить образцом человека, сохранившего до конца дней, несмотря на глубокую старость, свой интеллект и душевную силу. Розалия Марковна не могла вернуться в Ленинград живой, но вернулась после смерти. Она завещала захоронить свой прах на Волковом кладбище рядом с Георгием Валентиновичем. Остаться с ним навсегда – таково было ее последнее желание. В этом не было ни тени религиозности – она же была атеисткой. Но тем трогательней была эта потребность не разлучаться со спутником всей жизни и за последней чертой у такой сдержанной, даже как будто суховатой женщины. Дочери исполнили ее волю, прислали урну с прахом, и она была захоронена без всяких церемоний, даже чересчур скромно, под памятником Георгию Валентиновичу, на котором выгравирована им самим продиктованная надпись из Шелли: «Он слился с природой» (He is made one with nature).

Примечания

¹ *Махлин Д. С.* (даты жизни не установлены) – библиотекарь архивист, библиограф. В ПБ, в ДП работал с 1928 по 1930 г. Вместе с Р. М. Плехановой проводил предварительный разбор плехановского архива, руководил работами по инвентаризации и каталогизации книг личной библиотеки Плеханова. Принимал участие в подготовке к печати первого сборника «Литературное наследие Г. В. Плеханова».

² *Лукашевская Т. З.* (1891–1965) – библиотекарь-архивист. В ДП, с перерывом на время эвакуации (1942–1944), работала с 1929 по 1950 г. Занималась разбором и описанием рукописей плехановского наследия, обработкой эпистолярного наследия Плеханова, созданием картотек и указателей. Провела каталогизацию материалов архива Л. Г. Дейча. Участвовала в работе по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне».

Волина-Полоцкая А. С. (1880–1944 или 1945) – переводчик, библиотекарь-архивист, библиограф. Занималась литературными переводами, сотрудничала в журналах «Современный мир», «Русское богатство», «Русская мысль», в издательствах «Универсальная библиотека», «Просвещение», «Сеятель», «Мысль», «Петроград» и Госиздате. Переводила Г. и Т. Маннов, П. Милля, Я. Вассермана. В ПБ работала с перерывом с 1922 по 1938 г., в ДП с 1929 по 1938 г. Занималась разбором плехановского архива, подготовкой рукописей к печати (расшифровка текстов, перевод, составление комментариев и указателей). Принимала участие в создании каталогов и указателей к архивному фонду и составлении библиографии произведений Г. В. Плеханова.

³ *Белинская А. А.* (1905–?) – историк, библиотекарь. В ПБ работала с 1929 по 1931 г. и с 1944 по 1972 г.

Вейзагер Ф. М. (1905–?) – библиотекарь. В ПБ работала с 1928 по 1930 г.

В 1930 г. они были командированы в ДП для проведения библиотечно-технической обработки и каталогизации книг личной библиотеки Плеханова. Руководила их работой *Крыжановская Н. А.* (1895–?) – филолог, библиотекарь. В ПБ работала с 1925 по 1935 г. В марте 1935 г. арестована и сослана в Оренбург.

⁴ Справочный аппарат ДП – это система планомерно организованных, взаимосвязанных, дополняющих друг друга и постоянно пополняемых каталогов и картотек, важнейшим назначением которых является многоаспектное раскрытие фондов ДП и информации о жизни и деятельности Г. В. Плеханова. Начало работ по их созданию было положено одновременно с началом обработки фонда, основой послужили записи в тетрадях, выполненных Р. М. Плехановой в течение 1920-х гг., когда она проводила предварительное описание архива и библиотеки мужа. В 1929–1930 гг. был составлен подробный план каталогизационных работ ДП, и с этого времени начинается работа по обработке и каталогизации фондов личной и подсобной библиотек, по собиранию библиографии, посвященной жизни и деятельности Г. В. Плеханова.

Особую значимость представляют алфавитный каталог книг и периодических изданий личной библиотеки Плеханова, снабженный предметно-тематическим указателем его помет на книгах, картотека «Плехановиана», картотека публикаций трудов Плеханова. Ведется их текущее и ретроспективное пополнение.

⁵ Период, о котором пишет Е. С. Коц, действительно ознаменовался пересмотром взглядов на теоретическое наследие Г. В. Плеханова. Двадцатые годы были отмечены всплеском интереса как к изучению жизни и деятельности, так и к анализу его взглядов на философию, экономику, искусство и литературу. Этому было посвящено много отдельных изданий и публикаций в журналах «Было», «Каторга и ссылка», «Под знаменем марксизма», в которых Плеханов рассматривался не только в качестве ученика, но и непосредственного продолжателя дел К. Маркса и Ф. Энгельса. 1930-е гг. стали тем рубежом, после которого плехановедение стало развиваться под лозунгом «За ленинскую критику взглядов Плеханова». В октябре 1930 г. состоялось заседание президиума Коммунистической академии, где были отмечены ошибки, проявленные в недооценке ленинского этапа марксистской философии, и тем самым сформулированы новые пути к изучению плехановского философского наследия (См.: О разногласиях на философском фронте // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40/41. С. 12–164; № 42. С. 20–89). Исследователи, чьи методологические взгляды формировались на основе воззрений Плеханова (А. Деборин, В. Ф. Переверзев и др.), подвергались критике, другие (В. А. Ваганян, Б. И. Горев) были репрессированы. Подробнее см. об этом: Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии

марксистской философии. М. ; Л., 1963. С. 5–8; Филимонова Т. И., Аркушенко Т. А. Актуальные проблемы изучения литературного наследия и деятельности Г. В. Плеханова // Плехановские чтения, 30–31 мая 1988 г. : тез. докл. Л., 1988. С. 24–28.

⁶ *Добраницкий М. М.* (1882–1937) – дипломат. Член РСДРП, меньшевик, участник V съезда партии. Директор ПБ с 1930 по 1936 г. Погиб в годы репрессий. Посмертно реабилитирован.

⁷ Всего было опубликовано 8 сборников. См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1–8. Ч. 1 / Гос. Публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Дом Плеханова. М., 1934–1930.

⁸ *Иовчук М. Т.* (1908–1990) – чл.-корр. АН СССР (1946). Основные научные труды посвящены истории русской философии, методологическим проблемам истории всемирной философии, истории марксизма-ленинизма. Работа по редактированию сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова» была началом его творческого сотрудничества с ДП, получившего особое развитие в 70–80-е гг. Так, в соавторстве с Ириной Николаевной Курбатовой, научным сотрудником, а впоследствии зав. ДП, была написана монография «Плеханов», вышедшая в 1977 г. в серии «Жизнь замечательных людей», и ряд статей. В «Плехановиане» отражены 44 работы М. Т. Иовчука, посвященных в целом или частично деятельности Г. В. Плеханова и его философским взглядам. О работе М. Т. Иовчука в области истории отечественной философии рассказывается в статье З. А. Каменского «„Философской энциклопедии“ 25 лет» (Вопросы философии. 1996. № 1. С. 164–166).

⁹ *Мальшев А. И.* (1902–?) – историк. Работал преподавателем в Ленинградском отделении Коммунистической академии. В ПБ в ДП работал по совместительству с 1931 по 1933 г. в должности заместителя заведующего. Исполнял административные обязанности. Принимал участие в подготовке к изданию сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова».

¹⁰ *Любимов А. И.* (1879–1919) – социал-демократ, один из членов московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Во время Первой мировой войны занимал оборонческие позиции, входил в группу «Единство». В ДП фонд поступил от Л. Г. Дейча, у которого он хранился после смерти Любимова (АДП. Ф. 1099. Ед. хр. 361. Хронологический охват фонда: 1909–1919).

¹¹ *Вольпер А. Х.* (1894–1970) – историк. Член РСДРП с 1912 г. В ПБ работал с 1936 по 1944 г. (1936–1941 – директор, 1941–1944 г. – зав. отделением, эвакуированным в Мелекес).

¹² *Басов Н. П.* (1892–1974) – юрист, библиотековед. Член РСДРП с 1910 г. В ПБ работал с 1933 по 1957 г. в должности заведующего Отделом фондов и обслуживания, затем – Информационно-библиографического отдела. В период, о котором пишет Е. С. Коц, исполнял обязанности зам. директора Библиотеки.

¹³ Трудно сказать, какие именно письма имела в виду Е. С. Коц. В архиве Г. В. Плеханова хранятся письма Ю. О. Мартова. А. Н. Потресова.

А. С. Мартынова, относящиеся к периоду сотрудничества Георгия Валентиновича в «Голосе социал-демократа» (АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 545, 546, 612). Кроме того, опубликованы некоторые письма Плеханова Ю. О. Мартову (См.: Социал-демократическое движение в России: материалы. Т. 1. М.; Л., 1928. Раздел четвертый «Эпоха „Голоса социал-демократа“» и «Нашей зари» (1906–1914). Несколько писем из этого издания перепечатаны в первом томе «Философско-литературно наследия Г. В. Плеханова»).

¹⁴ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 70–74.

¹⁵ Р. М. Плеханова в 1875–1880 гг. обучалась в женской медицинской школе при Военно-медицинской академии, затем в 1883–1885 гг. на медицинском факультете Женевского университета. Она защитила диссертацию на тему «Лечение рака матки» и удостоилась звания доктора медицины. С 1890 г. занималась частной практикой, что имело большое значение для улучшения материального положения семьи. С 1909 г. на осенне-зимний период Плехановы переезжают в Сан-Ремо, где Розалия Марковна устраивает санаторий для нервных больных, что также приносило некоторый доход и давало возможность обеспечить Георгию Валентиновичу спокойную обстановку для жизни и работы.

¹⁶ В ДП хранится одна из переведенных Е. Г. Бато-Плехановой работ: Plekhanov G. Introduction a l'histoire sociale de la Russie / Trad. m-me Batault-Plekhanov. Paris, 1926. XII, 160 p. (Collection historique de l'institut d'etudes slaves; № 3).

¹⁷ Дочери Г. В. Плеханова, Лидия Георгиевна Плеханова - Ле Савуре и Евгения Георгиевна Бато-Плеханова были в СССР три раза, последний в сентябре-октябре 1957 г. по приглашению Министерства культуры. Тогда же они передали в фонд ДП 47 писем из переписки Георгия Валентиновича и Розалии Марковны.

¹⁸ Группа «освобождение труда». Сб. 4. С. 277–310; Сб. 5. С. 152–199.

¹⁹ Никольский Б. О письмах В. И. Засулич к Г. В. Плеханову // Летописи марксизма. 1928. № 5. С. 78–81.

²⁰ Л. Г. Дейч умер в эвакуации в 1941 г. Архив и библиотека Дейча оставались в его квартире в Москве без надзора. В ноябре 1942 г. представителем НКВД СССР было произведено обследование архива и на основании постановления СНК СССР от 29 марта 1941 г. о Государственном архивном фонде СССР он был принят на хранение в Центральный гос. литературный архив НКВД СССР (АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 1098). В 1945–1946 гг. эти материалы были переданы в ДП, где составили фонд 1097, включающий 1312 ед. хр. и охватывающий период 1885–1941 гг.

²¹ Деньги были взяты в долг у фабриканта Фельса. Свидетельства об этом деле можно найти в письмах Л. Г. Дейча к Ф. М. Личкус-Кравчинской от января 1908 г. (АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 220).

²² После XX съезда КПСС начался новый этап в развитии и пропаганде марксистско-ленинской теории. Это определило возрастание интереса к изучению теоретического наследия г. В. Плеханова, особенно проявившееся в 1956 г., в дни, когда отмечалось 100-летие со дня его рождения. 16 октября

1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова». 11 декабря 1956 г. в Гос. академическом Большом театре СССР состоялось торжественное заседание партийных и общественных организаций и научной общественности. В Академии общественных наук при ЦК КПСС была проведена научная сессия, в Институте марксизма-ленинизма открыта выставка. Торжественные заседания, научные сессии состоялись также во многих городах и научных учреждениях Советского Союза. В этой обстановке и началась новая страница в истории ДП. Он был открыт для посещения. В печати появился ряд публикаций, посвященных характеристике фондов ДП, его истории.

²³ Имеются в виду Л. Г. Дейч, его жена Э. М. Зиновьева-Дейч и ее дочь К. Г. Зиновьева.

²⁴ Умерла Розалия Марковна Плеханова в Париже 30 августа 1949 г. Урна с ее прахом была захоронена на Волковом кладбище в Ленинграде 13 мая 1951 г.

«На мою долю выпал счастливый лотерейный билет»: отрывки из воспоминаний Е. С. Коц / публ. подготовила И. В. Смирнова // *Ист. архив.* 1998. № 2. С. 207–221.